

Литературное наследство. Том 91.

Русско-английские литературные связи (XVIII -- первая половина XIX века)

М., "Наука", 1982

OCR Бычков М. Н.

6. Посещение Абботсфорда А. К. Мейендорфом.-- Английский перевод "Юрия Милославского" М. Н. Загоскина, сделанный В. П. Ланской и посвященный В. Скотту (1833).-- Письма к В. Скотту "русского баснописца" А. Е. Измайлова из Архангельска о памятнике Ломоносову.-- Русский портрет В. Скотта, выполненный в Париже.

Летом 1830 г. В. Скотт получил письмо еще от одного представителя русской знати, посетившего его в Абботсфорде за год перед тем, барона Александра Казимировича Мейендорфа (1798--1865), тогда еще молодого человека, преуспевавшего во всех отношениях и готовившегося сделать солидную чиновную карьеру. А. К. Мейендорф в юности прослужил несколько лет в русских войсках, затем вышел в отставку (1824) и жил то в своем прибалтийском имении, то за границей. Визит Мейендорфа в Абботсфорд состоялся в конце марта 1829 г. В. Скотт отметил это в своем дневнике (24 марта), однако с ошибкой имени, назвав гостя Мейерсдорфом. Запись эта гласит: "К завтраку приехал один из курляндских дворян, барон А. фон Мейерсдорф (Meyersdorff), приятный, веселый, живой молодой человек, любящий свой край и негодующий по поводу того, что он пришел в упадок под владычеством России. Он много рассказывал о рыцарских орденах -- феодальных владетелях Ливонии, особенно об ордене меченосцев, к которому принадлежали его собственные предки. Если верить его сообщению, то в Германии, Польше и России где-то в глубине таится действующее начало, которое, если "не заглухнет в замыслах", произведет в один прекрасный день взрыв. Впрочем, немцы -- это народ, склонный истощать свои силы в размышлениях. Барон способен увлекаться и начитан в английской и иностранной литературе"²¹².

Как видно из этой записи, Мейендорф представил себя знаменитым писателем, немецко-ливонским патриотом, прямым потомком меченосцев, хозяйничавших некогда на захваченных ими землях, страстным любителем ливонской старины времен немецкого феодального владычества; более того, он даже недвусмысленно намекнул В. Скотту на нынешний упадок и деградацию этого дворянства и на какие-то таинственные силы, которые могут привести к "взрыву", хотя едва ли когда-либо в другое время курляндские и эстляндские дворяне были у нас в большей чести, чем в реакционные годы царствования Николая I, достигнув тогда самых верхов чиновно-бюрократической лестницы. Да и сам Мейендорф готовился занять на ней выгодное положение. Нужно думать, что весь разговор о меченосцах и рыцарских порядках в Ливонии был простой любезностью к старому писателю, все еще сохранявшему свой давний интерес к средневековью и судьбам рыцарства в Европе, и стремлением хоть этим возбудить у В. Скотта любопытство к самому себе; впрочем, Мейендорф действительно принадлежал к древнему рыцарскому роду, переселившемуся в Ливонию еще в XII в.²¹³

Через несколько месяцев того же 1829 г. Мейендорф вступил на российскую службу по гражданскому ведомству и 9 августа был определен в Департамент мануфактур и внутренней торговли агентом при русском посольстве во Франции "по части мануфактурной промышленности и торговли вообще"²¹⁴.

Разговор с Мейендорфом едва ли мог особенно заинтересовать В. Скотта; ему приходилось принимать > себя множество иностранных гостей. Самое для себя примечательное В. Скотт отметил в своем дневнике. Очевидно, однако, что беседа коснулась тогда и некоторых других тем. Возможно, что В. Скотт спросил Мейендорфа о своих русских знакомых. Кое-кого из них Мейендорф действительно мог знать. В дневнике В. Скотта под тем же числом (24 марта 1829 г.) находится и такая запись: "Он <Мейендорф> сообщил мне, что моя старая знакомая, княгиня Голицына, умерла". Речь идет здесь о Прасковье Андреевне Голицыной, скончавшейся в 1828 г. Очевидно также, что разговор коснулся литературы, иначе у В. Скотта не было бы повода с похвалой отозваться о начитанности Мейендорфа в "иностранных" литературах, в первую очередь английской.